

А.А. Гордон

**Практические работы по гражданскому
праву**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
А11

А11 **А.А. Гордон**
Практические работы по гражданскому праву / А.А. Гордон – М.: Книга по Требованию, 2014. – 414 с.

ISBN 978-5-518-06391-4

ISBN 978-5-518-06391-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ствуясь, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что договоръ 24-го Марта 1880 г. судомъ не былъ признанъ недѣйствительнымъ; поэтому Павленковъ могъ осуществить, признанное за нимъ рѣшеніемъ Палаты 2-го Мая 1886 г., право на одно изданіе первыхъ двухъ частей Хрестоматіи.

Принесенная Полубояриновымъ апелляціонная жалоба оставлена С.-Петербургскою Судебною Палатою, по рѣшенію 26-го Октября 1890 г., безъ уваженія.

Для того, чтобы понять неправильность рѣшенія по настоящему дѣлу Палаты, необходимо предварительно основательно уяснить себѣ юридическую сущность настоящаго дѣла.

Въ п. 1-мъ Прилож. къ ст. 420 1 ч. X. т. (Прим. 2) сказано: каждый сочинитель или переводчикъ книги имѣетъ *исключительное* право пользоваться, во всю жизнь свою, изданіемъ и продажею оной по своему усмотрѣнію, какъ *имуществомъ благопріобрѣтеннымъ*. По Примѣч. же 2-му къ ст. 420 1 ч. X. т., права издателей, пріобрѣвшихъ въ собственность литературное произведеніе, вполнѣ сравнены съ правами самого автора. Въ этомъ примѣчаніи, именно, сказано: право собственности на произведенія литературы и художества, принадлежащее самимъ авторамъ сихъ произведеній, ихъ наследникамъ или лицамъ, коимъ оно передано тѣми или другими, называется *собственностію* литературною и художественною. Равенство правъ издателя, пріобрѣвшаго право собственности на сочиненіе, съ правомъ самого автора—является также и изъ п. п. 11 и 12 Прилож. къ ст. 420, 1 ч. X. т., а равно изъ ст. 1185 1 ч. X. т. Во всѣхъ этихъ статьяхъ закона лица, коимъ переданы права на сочиненіе, поставлены на одну степень съ самими авторами. Въ п. 12 этого Приложенія, именно, сказано: «Никто не долженъ... безъ воли его (сочинителя), или же его наследниковъ или *тѣхъ лицъ, коимъ сіи права переданы законнымъ порядкомъ*, перепечатывать его произведеніе» и пр. Поэтому и лицо, которое пріобрѣло въ собственность литературное произведеніе, пользуется такимъ-же *исключительнымъ* правомъ на оное, какъ и самъ авторъ. Въ ст. 1185, 1 ч. X. т., именно, сказано: въ случаѣ смерти сочинителя или переводчика книги... *исключительное* право пользоваться изданіемъ и продажею той книги .. переходитъ къ его

наслѣдникамъ по закону или по завѣщанію, *если онъ при жизни не передалъ онаго кому либо другому*. Изъ точнаго смысла этого закона явствуется, что если сочинитель передалъ свое произведеніе въ собственность другому лицу, то къ послѣднему переходитъ то *исключительное* право на это произведеніе, которое принадлежало самому сочинителю или его наслѣдникамъ. Точно также и въ п. 11 Прилож. къ ст. 420 1 ч. X т. (Прим. 2) говорится объ «*исключительномъ правѣ печатанія и продажи*» произведенія вполнѣ одинаково какъ въ отношеніи сочинителя или его наслѣдниковъ, такъ и въ отношеніи лица, которому досталось право на произведеніе «*по какому либо акту*». Итакъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что издатель, который приобрѣлъ въ собственность произведеніе, пользуется *исключительнымъ* правомъ изданія, печатанія и продажи онаго. Вотъ почему и производное право собственности издателя называется обыкновенно «авторскимъ правомъ».

И въ ст. 420, 1 ч. X т., въ которой выражено общее понятіе о правѣ собственности на матеріальныя, тѣлесныя вещи, говорится объ *исключительности* права собственника («*исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться*» и пр.). И по этой статьѣ сравнены права первоначальнаго собственника вещи съ правами его правопреемниковъ. Изъ этого видно, что *исключительность* права — черта общая, одинаково свойственная какъ собственникамъ тѣлесныхъ вещей и ихъ правопреемникамъ, такъ и собственникамъ литературныхъ произведеній и ихъ правопреемникамъ. Какъ не можетъ быть двухъ собственниковъ на одну и ту-же матеріальную вещь, такъ не можетъ быть двухъ собственниковъ одного и того-же литературнаго произведенія. Два лица могутъ совмѣстно владѣть вещью на правѣ *общей* собственности (1 ч. X т., ст. 543). Но если вещь или литературное произведеніе принадлежитъ *исключительно* (т. е. на правѣ самостоятельной собственности) мнѣ, то оно въ то же время не можетъ уже безъ моего согласія принадлежать и другому. Это противно природѣ вещей. *Quorum in solidum dominium... esse non posse* (D. 13, 6, 5, 15).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что исключительность права литературной собственности ограждается закономъ отчасти даже

нѣсколько строже, чѣмъ право собственности на матеріальныя вещи: контрафакція—нарушеніе права литературной собственности—можетъ быть преслѣдуема и въ порядкѣ уголовномъ (Улож. о наказ., ст. 1684).

Что Полубояриновъ собственникъ Учебной Хрестоматіи Полевого—вопросъ этотъ не возбуждаетъ и сомнѣнія. Обстоятельство это признано еще въ рѣшеніи Палаты 2-го Мая 1886 г. Въ этомъ рѣшеніи Палата, именно, говоритъ, что Павленковъ не можетъ требовать признанія недѣйствительнымъ договора 10-го Февраля 1882 г., «заключеннаго Полевымъ съ Полубояриновымъ объ *уступкѣ ему права собственности* на означенную Хрестоматію». Далѣе Палата говоритъ: «Полевой, авторъ Учебной Русской Хрестоматіи съ толкованіями, переуступилъ по письменнымъ договорамъ право на изданіе 1-ой и 2-ой частей этого сочиненія сперва 24-го Марта 1880 г. Цвылеву, а потомъ *право собственности* на всѣ уже три части Хрестоматіи и безъ ограниченій числа изданій, по договору 10 Февраля 1882 г., Полубояринову, который въ томъ же 1882 г. и воспользовался прибрѣтеннымъ имъ правомъ, издавъ и выпустивъ въ продажу означенное сочиненіе». Право собственности Полубояринова на Хрестоматію Полевого вполне признается и въ настоящемъ рѣшеніи Палаты. Это обстоятельство не оспаривается и отвѣтчикомъ Павленковымъ, который утверждаетъ лишь, что Полубояриновъ не можетъ ему воспрепятствовать осуществить право на одно изданіе двухъ частей Хрестоматіи, которое, согласно толкованію Палаты въ рѣшеніи 2-го Мая 1886 г.—принадлежитъ ему по договору 24-го Марта 1880 г. Къ этому нужно присовокупить, что вообще право собственности Полубояринова на Учебную Хрестоматію Полевого должно быть признано безспорнымъ еще на слѣдующемъ основаніи: къ вопросу о правѣ собственности на Учебную Хрестоматію Полевого были причастны три лица: Полевой, Павленковъ (въ правахъ Цвылева) и Полубояриновъ. Павленкову въ искѣ его о признаніи за нимъ права собственности на двѣ части Хрестоматіи окончательно отказано рѣшеніемъ Палаты 2-го Мая 1886 г. (какъ это будетъ объяснено еще ниже). Полевой же въ дѣлѣ, по которому состоялось рѣшеніе Палаты 2-го Мая 1886 г., не только не спорилъ противъ права соб-

ственности Полубояринова, но, напротивъ, отстаивалъ это право, являясь вмѣстѣ съ Полубояриновымъ въ одной роли отвѣтчиковъ по иску Павленкова. *Такимъ образомъ, право собственности Полубояринова на Учебную Хрестоматію Полевого безспорно уже потому, что никто противъ этого не спорить и спорить не можетъ.*

Споръ возбуждаетъ лишь вопросъ о томъ: могъ ли Павленковъ осуществить въ 1886 г. право свое на одно изданіе 1-й части Учебной Хрестоматіи, которое онъ основываетъ на договорѣ 24-го Марта 1880 г.?

Для разрѣшенія этого вопроса необходимо уяснить себѣ то соотношеніе, которое существуетъ между правомъ собственности и правомъ по договору.

Одно изъ самыхъ существенныхъ различій между правомъ собственности (какъ правомъ вещнымъ) и правомъ по договору (обязательственнымъ правомъ) заключается въ томъ, что соблюденіе перваго обязательно для всѣхъ третьихъ, стороннихъ лицъ («исключительно и независимо отъ лица посторонняго», ст. 420 1 ч. X т.; кас. рѣш. 71 г. № 1212; «исключительное право изданія и продажи» п. п. 11 и 12 Прилож. къ ст. 420 и ст. 1185, 1 ч. X т.), а втораго — лишь для договаривающихся сторонъ (1 ч. X т., ст. 569 и 570).

Поэтому весьма важно опредѣлить тотъ моментъ, когда *возникаетъ* право собственности издателя на литературное произведеніе, т. е. право, соблюденіе котораго обязательно для третьихъ, стороннихъ лицъ.

Выше уже было объяснено, что самая существенная, характеристическая черта права собственности — *исключительность* обладанія — свойственна одинаково какъ собственности на матерьяльныя вещи, такъ и собственности литературной. Но между этими правами имѣются и нѣкоторыя различія, которыя вытекаютъ изъ самаго существа и природы этихъ правъ. Такъ, напр., къ литературному произведенію — какъ совокупности идей, выраженныхъ въ опредѣленной формѣ — непримѣнимо понятіе о владѣніи, которое предполагаетъ нѣчто матерьяльное, тѣлесное. Поэтому о владѣніи говорится лишь въ ст. 420 1 ч. X т., которая относится къ вещамъ матерьяльнымъ. Въ Прилож. же къ ст. 420 1 ч. X т., которое относится къ литературнымъ

произведеніямъ, о владѣніи и не упоминается. Кроме того, право литературной собственности, въ интересахъ общественныхъ, ограничено во времени (1 ч. X т., ст. 1185). Точно также и моментъ перехода права собственности на литературныя произведенія во многомъ отличается отъ момента перехода права собственности на матеріальныя вещи. И это различіе вытекаетъ изъ существа и природы этихъ правъ¹⁾.

Право собственности на движимую вещь переходитъ къ покупщику лишь послѣ передачи ему самой вещи (1 ч. X т. ст. 1510; кас. рѣш. 1880 г. №№ 94, 215 и 288). До пере-

¹⁾ Г. Спасовичъ («Права авторскія и контрафакція») называетъ авторское право «привиллегією». Неправильность этого опредѣленія не можетъ подлежать и сомнѣнію. Привиллегія (*priva lex*)—положеніе, составляющее *исключеніе* изъ общаго правила. *Privilegium* то же, что *jus singulare* (исключительное право; Дерябургъ, *Pandecten*, т. 1. § 33). Исключительнымъ же называется законъ, который изъ цѣлаго ряда *однородныхъ явленій* выдѣляетъ нѣкоторые и признаетъ за ними особое юридическое значеніе. Но законы о литературной собственности не представляютъ собою ничего исключительнаго: они общи для всѣхъ литературныхъ произведеній. Поэтому они—*законы общіе для опредѣленной группы предметовъ*. Понятіе о привиллегіи пригодно было къ праву на литературныя произведенія лишь въ прежнее время, когда еще не существовало общихъ законовъ о литературной собственности. Тогда авторъ и издатель литературныхъ произведеній получали, съ цѣлью огражденія своихъ правъ противъ посягательства третьихъ лицъ (контрафакція), отъ правительства «привиллегіи» на эти произведенія. Въ настоящее же время понятіе о привиллегіи къ праву на литературныя произведенія отнюдь не пригодно. (Подробности объ этомъ см. у Табащникова: «Литературная, музыкальная и художественная собственность» и пр.). Авторское право, несмотря на нѣкоторыя свои особенности, можетъ и должно быть названо правомъ собственности (какъ это признаетъ нашъ законъ и какъ это признаютъ лучшіе современные юристы); въ немъ содержится та наибольшая полнота правъ на литературное произведеніе, которая имѣется лишь въ правѣ собственности. Кроме того, авторское право имѣетъ главную характеристическую черту права собственности — *исключительность* обладанія. Вслѣдствіе этого права автора и его правопреемниковъ на литературное произведеніе ограждаются отъ посягательства третьихъ, стороннихъ лицъ (контрафакція), какъ и право собственности на тѣлесныя вещи. Французская юриспруденція называетъ авторское право: *propriété littéraire*. Pouillet (*Traité... de la propriété littéraire etc.* стр. 19) замѣчаетъ даже, что право собственности на литературныя произведенія имѣетъ болѣе рациональное, неопровержимое (*indéclinable*) основаніе, чѣмъ право собственности на матеріальныя вещи: первоначальный владѣлецъ матеріальной вещи пріобрѣтаетъ обыкновенно въ собственность вещь уже существующую; между тѣмъ авторъ пріобрѣтаетъ право собственности на свое произведеніе оттого, что онъ его сотворилъ, создалъ.

хода вещи въ его обладаніе, покушникъ пріобрѣтаетъ отъ продавца, по договору купли, одно лишь обязательственное право, которое превращается въ право вещное (право собственности), именно, лишь съ передачею первому самой вещи¹⁾.

Отчего право обязательственное, порождаемое договоромъ

¹⁾ Кассационная практика по вопросу о моментѣ перехода права собственности на движимое имущество едва ли можетъ считаться окончательно установившеюся. Правительствующій Сенатъ, повидимому, оставовися на той точкѣ зрѣнія, что право собственности на *замыкмыя* вещи переходитъ лишь съ момента передачи покупщику самой вещи; право же собственности на *индивидуальныя* вещи переходитъ къ пріобрѣтателю съ момента заключенія самаго договора продажи (кас. рѣш. 80 г. №№ 94 и 288).—Одно то, что въ отношеніи одного и того же понятія (перехода права собственности на движимость) установлены два, совершенно различныхъ по своему юридическому характеру, начала—должно возбуждать сильное сомнѣніе въ непоколебимости этого взгляда Сената. На самомъ же дѣлѣ, право собственности какъ на *замыкмыя*, такъ и на индивидуальныя вещи переходитъ лишь съ передачею самой вещи (1 ч. X т. ст. 1510 и 1516).—Вполнѣ вѣрно то, что индивидуальная вещь (если она у продавца на лицо) можетъ быть *требуема* покупщикомъ *въ силу самаго договора продажи*. Но это—не право собственности, а право *обязательственное, подлежащее принудительному реальному осуществленію*. Покупщикъ можетъ, именно, посредствомъ суда требовать *отъ продавца* — если онъ добровольно не исполнитъ договора продажи—не возвращенія уплаченныхъ за вещь денегъ и убытковъ, а *выдачу самой вещи*. (Эта мысль прямо выражена и въ ст. 769 Устава Германскаго Судопроизв. 20-го Января 1877 г.; см. изд. Вильмовскаго и Леви, 1889 г., коммент. къ ст. 769; 2). Только такимъ образомъ можетъ быть сохранена цѣлостность начала о моментѣ перехода права собственности на движимыя вещи. Возможность принудительнаго *реального* осуществленія правъ по договорамъ, имѣющимъ предметомъ дачу (даге) вещи—признаваемая западно-европейскою юриспруденціею *какъ ничто безспорное* (см. вышеприведенный § 769 и пос. Уст. Германск. Судопроизв., Лорана, Principes de droit civil т. 16, № 194 и пос., и др.)—вполнѣ признается и нашими законами (1 ч. X т. ст. 570, 1512, 1513 и 1514; Уст. Гр. Суд. ст. 934 и 1083 и Нот. Полож. ст. 187).—Что право собственности на движимыя вещи переходитъ, какъ по большинству западно-европейскихъ законодательствъ, такъ и по нашимъ законамъ, лишь съ момента передачи самой вещи—понятіе это съ большою подробностью и точностью доказано въ статьѣ проф. Загоровскаго «о пріобрѣтеніи права собственности на движимыя вещи посредствомъ передачи», въ Юридическ. Вѣстникѣ, 1890 г., т. 5, Іюль—Августъ. Это же понятіе развито и въ рефератѣ П. А. Юренина, читанномъ въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ 1-го Ноября 1880 года. Съ положеніемъ референта согласились и юристы, участвовавшіе въ преніяхъ по этому реферату (см. Жур. Гражд. и Уг. Права, 1881 г., кн. 5 и 6). Понятіе о переходѣ къ покупщику права собственности на движимую вещь лишь послѣ ея передачи—признано и въ проектѣ Гражданскаго Уложенія (кн. 5 «Обязательства», т. 1; ст. 224).

продажи, превращается въ право вещное (т. е. въ право обязательное къ соблюденію для лицъ третьихъ), лишь съ передачею вещи покупщику?

Договорное соглашеніе извѣстно лишь сторонамъ, заключившимъ договоръ. Третьи лица могутъ и не знать объ этомъ соглашеніи. Но для третьяго лица не можетъ быть признано обязательнымъ соглашеніе, о существованіи котораго оно можетъ и не подозрѣвать. Законъ, право и судъ существуютъ для жизни, для обыкновенныхъ людей, для массы. Право не можетъ создавать такіа положенія, которыя доступны лишь существамъ, обладающимъ даромъ ясновидѣнія, даромъ пророчества. Вотъ почему издавна выработалось положеніе, по которому договоры обязательны лишь для лицъ, ихъ заключившихъ (1 ч. X т., ст. 569). Передача же уничтожаетъ таинственность, окружающую договоръ. Посредствомъ передачи вещи, состоявшейся между сторонами, соглашеніе о продажѣ проявляется во внѣшнемъ, распознаваемомъ для стороннихъ лицъ, фактѣ. Съ переходомъ вещи въ обладаніе покупщика, продажа получаетъ внѣшніе, замѣтные для всѣхъ, признаки пріобрѣтенія покупщикомъ права. Поэтому соблюденіе этого права становится обязательнымъ и для третьихъ лицъ. Изъ изложеннаго видно, что передача—средство; цѣль же—*знаніе* (или возможность знанія) третьими лицами о переходѣ права на вещь отъ продавца къ покупщику¹⁾. Вслѣдствіе этого практика вполне рационально расширила идею, содержащуюся въ фактѣ передачи, и прямо признала, что договоръ продажи можетъ быть признанъ обязательнымъ для третьяго лица и въ томъ случаѣ, *когда оно знаетъ* (или, по крайней мѣрѣ, *могло знать*) о существованіи этого договора (кас. рѣш. 80 г. № 215; ср. рѣш. 86 г. № 52 и др.). Но что договоръ, о существованіи котораго третье лицо

¹⁾ Передача имѣетъ еще значеніе потому, что переноситъ на пріобрѣтателя владѣніе вещью. Но что она имѣетъ важное значеніе и какъ средство оглашенія воли сторонъ относительно состоявшейся продажи вещи—въ всякаго сомнѣнія (см. приведен. выше статью Загоровскаго, стр. 280, п. 4, 5; ср. и п. 2). Такую же цѣль преслѣдовала въ прежнее время традиція (передача) и при продажѣ недвижимости. Въ настоящее время передача, при продажѣ недвижимости, замѣнена записью въ публичныя, доступныя всѣмъ книги (ипотечныя и зрѣпостныя). Подобное же значеніе имѣетъ и вводъ во владѣніе.

не знало (и не могло знать), для него необязателенъ—это одно изъ основныхъ, фундаментальныхъ понятій права.

Къ переходу права собственности на литературныя произведенія понятіе о передачѣ непримѣнимо.

Передачу авторомъ издателю рукописи (манускрипта) нельзя сравнивать съ передачею продавцемъ покупщику тѣлесной вещи. Передача манускрипта отнюдь не тождественна съ передачею самаго литературнаго произведенія. Главная сущность права собственности на литературное произведеніе заключается въ правѣ изданія и распространенія его путемъ печати (1 ч. X т., ст. 1185 и п. 1 Прилож. къ ст. 420, Прим. 2). Но одна передача авторомъ другому лицу манускрипта не служитъ еще доказательствомъ передачи послѣднему права на его изданіе. Манускриптъ можетъ быть переданъ съ цѣлю, ничего общаго не имѣющею съ изданіемъ, а именно—для прочтенія, а рукопись драматическаго произведенія—для представленія его на сценѣ и пр. Кроме того, манускриптъ имѣетъ иногда цѣнность независимо отъ его изданія. Такъ, напр. любители библиографическихъ рѣдкостей платятъ иногда значительныя суммы за самыя манускрипты извѣстныхъ писателей, независимо отъ права на ихъ изданіе. Самое же главное въ томъ, что каждая тѣлесная вещь, не только индивидуальная (лошадь, собака, корова и пр.), но и замѣнимая (овесъ, сѣно, пшеница, масло, сало и пр.), существуетъ въ природѣ въ одномъ лишь экземплярѣ. Поэтому, съ передачею вещи покупщику, прекращается не только юридически, но и физически, связь съ нею продавца. Вслѣдствіе этого тѣлесная вещь, съ передачею покупщику, поступаетъ въ его полное и *исключительное* обладаніе. Манускриптовъ же каждаго литературнаго произведенія можетъ быть нѣсколько. Поэтому передача манускрипта не равносильна передачѣ въ исключительное обладаніе самаго литературнаго произведенія ¹⁾.

¹⁾ Очевидно въ виду того, что сама передача манускрипта не служитъ еще доказательствомъ перехода права собственности на литературное произведеніе, Германскій законъ объ авторскомъ правѣ отъ 11-го Іюня 1870 года (§ 5, а) и постановилъ, что даже добросовѣстный владѣлецъ манускрипта не можетъ напечатать его безъ согласія автора; иначе онъ совершитъ контрафакцію. Поэтому нѣмецкіе юристы признаютъ, что передача манускрипта драматическаго произведенія для представленія его на сценѣ не содержитъ въ себѣ

Вслѣдствіе этого, при переходѣ права собственности на литературное произведеніе, необходимо было фактъ передачи замѣнить другимъ внѣшнимъ признакомъ, которымъ достигалась бы та же цѣль, которую преслѣдуетъ передача при переходѣ права собственности на тѣлесныя вещи, а именно — возможность для третьихъ лицъ *знать* о состоявшемся переходѣ права на произведеніе отъ одного лица къ другому. Такимъ внѣшнимъ признакомъ можетъ быть признано *самое изданіе произведенія*. Только съ изданіемъ сочиненія издатель пріобрѣтаетъ на него право литературной собственности, соблюденіе котораго обязательно для лицъ третьихъ, стороннихъ. До этого момента соглашеніе, состоявшееся между авторомъ и издателемъ, имѣетъ лишь значеніе договора, соблюденіе котораго обязательно только для самихъ договорившихся сторонъ, но отнюдь не для лицъ третьихъ, стороннихъ, которыя могутъ и не знать о существованіи такого соглашенія (1 ч. X т., ст. 569 и 570) ¹⁾.

Мысль эта точно и несомнѣнно подтверждается и нашими законами. Въ п. 12 Прилож. къ ст. 420 (Прим. 2) 1 ч. X т. (изд. 87 г.) сказано; «никто не долженъ нарушать правъ сочинителя, переводчика или перваго издателя и безъ воли его или же его наслѣдниковъ, или *тѣхъ лицъ, коимъ сіи права переданы* законнымъ порядкомъ, *перепечатывать* его произведенія или книги, *имъ первымъ изданныя* и пр. Нарушитель сего признается самовольнымъ издателемъ (контрафакторомъ)». — Изъ точнаго смысла этого закона видно, что нарушение стороннимъ лицомъ права собственности издателя (контрафакція) можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, *когда книга была уже напечатана*. Та же мысль повторяется и въ п. 13 Приложенія, въ которомъ сказано: самовольнымъ изданіемъ (контрафакціею) почитается и то, если: 1) кто, подъ названіемъ втораго или третьяго и такъ далѣе изданія, *печатаетъ*

еще разрѣшенія на его обнародованіе. Это положеніе прямо выражено и въ швейцарскомъ законѣ объ авторскомъ правѣ отъ 23-го Апрѣля 1883 г. (art. 7).

¹⁾ Само собою понятно, что и къ передачѣ права на литературное произведеніе можетъ быть примѣнена идея, которую практика развиваетъ относительно продажи тѣлесныхъ вещей, а именно — что и *самый договоръ* продажи обязателенъ для третьяго лица, если оно *знало* объ его существованіи.

книгу уже напечатанную и пр.; 2) кто, *перепечатавъ* въ чужихъ краяхъ книгу, изданную въ Россіи, будетъ продавать напечатанные такимъ образомъ экземпляры, не имѣя на то письменнаго дозволенія законнаго издателя. — Такимъ образомъ, только самовольное изданіе уже напечатанной книги влечетъ за собою послѣдствія, указанные въ п. 20 Прилож. къ ст. 420 1 ч. X т.: отобраніе наличныхъ экземпляровъ самовольнаго изданія и возмѣщеніе первому издателю причиненныхъ ему контрафакціею убытковъ.

Правильность указанной мысли подтверждается еще слѣдующимъ: всѣ изложенныя выше соображенія о моментѣ приобрѣтенія права собственности на литературныя произведенія, очевидно, примѣнимы лишь къ издателю, а не къ самому автору. Авторъ же считается первоначальнымъ собственникомъ своего произведенія, въ силу того, что онъ его сотворилъ. Изъ этого понятно, что безъ согласія автора сочиненіе не можетъ быть издано другимъ лицомъ не только тогда, когда оно уже имѣетъ напечатано, но даже и тогда, когда самъ авторъ еще не напечаталъ его. И дѣйствительно, законъ, выразивъ въ вышеприведенныхъ постановленіяхъ общія положенія, примѣнимыя одинаково какъ къ автору и его наслѣдникамъ, такъ и къ издателямъ, о томъ, что не дозволяется перепечатывать сочиненія, уже изданныя — вмѣстѣ съ тѣмъ, относительно самаго автора, оговорилъ въ п. 13 Прилож. къ ст. 420 1 ч. X т., что контрафакціею называется не одно *перепечатываніе* уже изданнаго, но и *напечатаніе*, безъ его согласія, сочиненія еще не изданнаго. Въ п. 13 Прилож. (ч. 3), именно, сказано, что самовольнымъ изданіемъ (контрафакціею) признается: если кто безъ согласія сочинителя *напечатаетъ* произнесенную или читанную имъ публично рѣчь или иное сочиненіе.

Контрафакція есть нарушеніе права литературной собственности (1 ч. X т., п. 12 Прилож. къ ст. 420, прим. 2). Преслѣдованіе за контрафакцію — средство огражденія права литературной собственности. Возможность преслѣдованія третьихъ, стороннихъ лицъ за контрафакцію и придаетъ праву на литературное произведеніе ту характеристическую черту, которая составляетъ особенность права собственности, а именно *исключительность обладанія*. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой характеристиче-